

Кузнецова С. В.

**КОСВЕННОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ИНТЕНЦИИ
ГОВОРЯЩЕГО**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/43.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2012. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 103-105. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ные изменения в процесс восприятия песни, слушатель остро ощущает смену настроения при переходе от одной строфы к другой, и это ощущение подкрепляется благодаря применению некоторых приемов музыкальной, в частности, метроритмической организации песни.

Стремление к метрической логике и симметрии в целом характерно для песенного творчества В. С. Высоцкого. Многочисленные повторы отдельных слов, строк и целых периодов также работают на создание чувства симметричности формы. Что касается повторов, то, по мнению Ю. Н. Холопова, «все конкретные музыкальные формы - это различные типы повторений» [Музыка 1998: 581]. Холопов утверждает, что «даже после того, как музыка вычленилась из первоначального «мусического» триединства слово-напев-телодвижение, музыкальная форма сохраняет органическую связь со стихом, шагом, танцем. Отсюда первичная музыкальная форма - песня (песенная форма; технически - группировка строк). ... Таким образом, изначальный тип музыкальной формы - *текстомузыкальная форма*» [Музыка 1998: 580].

Констатация такого явления, которое было обозначено как «авторская песня», спровоцировало новый подход к проблеме поэтико-музыкальных связей в границах одного произведения. Так, примерно в середине XX века складывается иное понимание текстомузыкальной формы, которое можно обозначить следующей формулой: стих есть музыкальная форма поэзии, но, в отличие от первоначального фольклорного синкретизма с его интонационным («свободным, или несимметричным») ритмом, музыка здесь уже размерена, то есть соотношения длительностей в ней четко определены.

Само чувство временной меры (метроритмического единства) музыкального синтаксиса воспитывается не только музыкой, но также и поэзией. «Синтаксический ритм» музыки и стиха имеет единую природную базу, поэтому и союз этих искусств столь органичен в песенном пространстве Владимира Высоцкого.

Список использованной литературы

1. **Высоцкий В. С.** Песни. - Екатеринбург, 1999.
2. **Задерецкий В. В.** Музыкальная форма. - М., 1995.
3. **Музыка:** Большой энциклопедический словарь / Под ред. Г. В. Келдыш. - М., 1998.
4. **Харлап М. Г.** Тактовая система музыкальной ритмики // Проблемы музыкального ритма: Сборник статей. / Сост. В. Н. Холопова. - М., 1978.
5. **Холопова В. Н.** Музыкальный ритм. - М., 1980.

КОСВЕННОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОЗНАТЕЛЬНОЙ ИНТЕНЦИИ ГОВОРЯЩЕГО

Кузнецова С. В.

Мичуринский государственный аграрный университет

Как мы реагируем на выражения лица, что мы находим естественным в поведении, и даже как мы понимаем устные высказывания, в значительной части зависит от ноу-хау, а не от теорий. Мы все же можем установить теоретические корреляты, или принципы, лежащие в основе этих способностей. Это и будет составлять народную психологию. Решать, какие тезисы истинны и какие из онтологических обязательств гарантированы - это становится специфическим вопросом для когнитивных наук.

Мы испытываем осознанные убеждения и желания подумать о примерах из реальной жизни. В жаркий день вы ведете пикап по пустыне за пределами Феникса. Отсутствует кондиционер. Вы не вспомните, когда еще испытывали такую же жажду и так хотите холодного сока, что могли бы закричать. Осознанные желания испытываются.

Убеждения и желания иногда обуславливают наши действия, но между ними отсутствует сущностная связь. Большинство убеждений и желаний не завершаются действиями. Например, я убежден, что солнце находится на расстоянии 94 миллиона миль, и я также хочу быть миллиардером. Так какое же из моих действий объясняет данное убеждение и это желание? Если я хочу купить билет на солнце, то я должен быть уверен, что это билет в 94 миллиона миль? В следующий раз, если кто-то даст мне миллиард, я не откажусь.

Черчленд полагает, что «убеждение» и «желание» обладают тем же статусом в теории народной психологии, каким обладали в физике «флогистон» и «теплород».

Неадекватность психологии здравого смысла и неспособность таксономии здравого смысла соответствовать таксономии науки о мозге не имеют никакого отношения к существованию убеждений и желаний.

Убеждения и желания как таковые даются в опыте.

Частью определения «убеждения» является то, что убеждения являются кандидатами на истинность или ложность. Мы не могли бы «открыть» того, что убеждения невосприимчивы к истинности или ложности.

Множество психологических убеждений здравого смысла оказываются ложными. Рассмотрим эффектный пример: здравый смысл говорит нам, что наши боли локализованы в физическом пространстве в пределах наших тел, что, к примеру, боль в ноге в буквальном смысле находится внутри области самой ноги. Но мы-то сейчас знаем, что это ложно. Мозг формирует образ тела, а боли, подобно любым телесным ощущениям, суть части образа тела. В буквальном смысле слова боль в ноге находится в физическом пространстве мозга.

Мы сейчас признаем различие между долговременной и кратковременной памятью, а также между ними и иконическими видами памяти, и все эти различия являются результатом нейробиологических исследований.

Как это справедливо в отношении большинства слов, нет возможности дать определение «сознания» ни в терминах необходимых и достаточных условий, ни - на аристотелевский манер - с помощью родовидового различия. Например, по причине и этимологии, и употребления, «сознание» (consciousness) зачастую путают с «совестью» (conscience), «самосознанием» (self-consciousness) и «познанием» (cognition).

Когда мы просыпаемся после лишенного сновидений сна, мы вступаем в состояние сознания, которое продолжается, пока мы бодрствуем. Когда же мы засыпаем, оказываемся под общей анестезией, наши состояния сознания прекращаются. Если во время сна у нас появляются сновидения, мы становимся сознательными, хотя сознательные формы сновидений в целом значительно ниже по уровню интенсивности и живости, чем обычное бодрствующее сознание. Сознание способно варьироваться в степени во время нашего бодрствования, как, например, когда мы переходим от состояния бодрствования и настороженности к сонному или вялому состоянию, или же просто к скучающему и невнимательному состоянию. В обыденной жизни можно различить разные степени и формы сознания. Сознание есть переключатель типа «вкл./выкл»: та или иная система либо сознательна, либо нет. Сознательные состояния всегда обладают содержанием. Никогда нельзя быть просто сознательным, скорее, когда некто сознателен, должен появиться ответ на вопрос «Что он осознает?» (What is one conscious of?). Но предлог «of» во фразе «осознает» (conscious of) не всегда является тем же, что «of» интенциональности. Если я осознаю стук в дверь, то мое сознательное состояние интенционально, поскольку оно указывает на нечто помимо себя, а именно на стук в дверь. Если же я осознаю боль, то боль не интенциональна, ибо она не представляет ничего помимо себя.

Поводом для выделения сознания в объяснении психики (mind) является то, что это центральное ментальное понятие. Так или иначе, но все другие ментальные понятия - вроде интенциональности, субъективности, ментальной каузальности, интеллекта и т.д. - могут быть в полной мере поняты как ментальные лишь по их отношению к сознанию.

Согласно картезианскому взгляду, собственно естественные науки исключили «сознание», *res cogitans* * и стали иметь дело только с «материей», *res Extensa*. Разделение сознания и материи оказалось в семнадцатом столетии полезным эвристическим инструментом, который в значительной степени способствовал прогрессу, имевшему место в науках. Но исключение сознания базировалось на ложном убеждении, будто сознание не является частью мира природы.

Организмы как продукты эволюционного процесса состоят из подсистем, называемых «клетками», а некоторые из этих организмов развивают подсистемы нервных клеток, которые мы рассматриваем как «нервные системы». Далее, и это решающий момент, некоторые исключительно сложные нервные системы способны причинно обуславливать и поддерживать сознательные состояния и процессы. А именно, большие соединения нервных клеток, то есть мозг, причинно обуславливают и поддерживают сознательные состояния и процессы. Сознание - биологическое свойство мозга человека и определенных животных, естественный биологический феномен. Оно причинно обусловлено нейробиологическими процессами и в той же степени является частью естественно биологического порядка. Этот принцип представляет собой первую стадию понимания места сознания в рамках нашего взгляда на мир.

Сознательным ментальным состояниям и процессам присуща особая черта, которой не обладают другие естественные феномены, а именно, субъективность. Как раз эта черта сознания и делает его изучение столь не поддающимся общепринятым методам биологического и психологического исследования, а также наиболее загадочным для философского анализа.

Мы часто говорим о суждениях как о «субъективных», когда подразумеваем, что их истинность или ложность не может быть установлена «объективно», поскольку истинность или ложность зависит от определенных установок, мнений и точек зрения тех, кто высказывает суждения, и тех, кто их слышит. Примером подобного суждения могло бы быть: «Ван Гог как художник лучше Матисса». В этом смысле «субъективности» мы противопоставляем такие субъективные суждения совершенно объективным суждениям, подобным суждению: «Матисс жил в Ницце в течение 1917 года». Для объективных суждений мы способны устанавливать, какого рода факты в мире делают их истинными или ложными независимо от чьих-либо установок или мнений о них.

Мы рассматриваем мир как состоящий из частиц, эти частицы - как организованные в системы, некоторые из этих систем - как биологические системы, некоторые из таких систем - как сознательные, а сознание - как, в сущности, субъективное.

Когда нас просят сформировать взгляд на мир или картину мира, мы формируем их на основе модели зрения. Но когда мы в воображении рисуем мир, мы не можем видеть сознание. Субъективность сознания и делает его полностью невидимым. Если мы пытаемся нарисовать образ чьего-либо сознания, то мы осуществляем это, просто нарисовав другого человека. Если же мы пытаемся нарисовать свое собственное сознание, то мы осуществляем это, нарисовав все то, что мы осознаем.

Идея наблюдения реальности, как раз и есть идея (онтологически) субъективных представлений реальности. Онтология наблюдения - как противоположная его эпистемологии - есть именно онтология субъективности. Наблюдение всегда есть чье-то наблюдение, оно сознательно, всегда осуществляется с определенной точки зрения, ему присуще субъективное чувство и т.д.

Исходя из нашего понятия о том, на что должна быть похожа реальность и что означало бы познать эту реальность, нам представляется непостижимым, чтобы во вселенной существовало нечто нередуцируемо субъективное. Тем не менее, мы все знаем, что субъективность существует.

Армстронг (1980) молчаливо элиминирует субъективность, трактуя сознание лишь как способность устанавливать различия в отношении своих собственных внутренних состояний, а Шанжэ, французский нейробиолог, определяет сознание просто как «глобальную регуляторную систему, имеющую дело с ментальными объектами и обработками (computations), использующими эти объекты» [Changeux 1985: 145]. Оба приведенные мнения предполагают понимание реальности с позиции третьего лица, то есть такое понимание реальности, которое не только эпистемологически объективно, но также и онтологически объективно. И в подобной реальности нет места для сознания, поскольку в ней нет места для онтологической субъективности.

Список использованной литературы

1. Серл Джон. Открывая сознание заново / Перевод с англ. А. Ф. Грязнова. - М.: Идея-пресс, 2002. - 256 с.
2. Armstrong D. M. A Materialist Theory of Mind. - London: Routledge and Kegan Paul, 1968.
3. Changeux J. P. Neuronal Man: The Biology of Mind. - New York: Pantheon Books, 1985.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ И ОСВОЕНИИ НАУЧНОГО СТИЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ-НЕФИЛОЛОГАМИ

Куст Т. С.

Юргинский технологический институт (филиал) Томского политехнического университета

Одно из требований, предъявляемых к выпускнику вуза любого профиля - технического или гуманитарного - это компетентное и уверенное владение родным языком. Во многих вузах России в программу подготовки специалистов нефилологического профиля включен курс «Русский язык и культура речи», основной целью преподавания и изучения которого является повышение общей речевой культуры будущего специалиста, усовершенствование владения нормами устной и письменной речи, формирование навыков эффективной коммуникации в различных условиях общения.

Данный курс призван раскрыть многообразие стилистических возможностей русского языка в разных функциональных стилях (прежде всего в научной и официально деловой речи); сформировать у студентов умение выступать публично, научить эффективному общению в разных коммуникативных ситуациях.

Для осуществления устной и письменной коммуникации в профессиональной деятельности, на наш взгляд, специалист должен знать, во-первых, особенности научного и официально-делового функционального стиля языка, а, во-вторых, основные правила построения научного и официального текста. Нас в данной статье будут интересовать те специфические характеристики научного стиля, те правила построения научного текста, которые необходимы будущему специалисту. Под научным текстом мы будем понимать научный академический текст, основной целью которого является реализация исследовательских намерений автора, а не научно популяризаторский или научно учебный текст.

Научный функциональный стиль, по определению Будагова Р. А., представляет собой некоторую совокупность общелитературных средств языка, получивших определенное коммуникативное задание, а именно, сообщение строгой, научной информации в наиболее объективной, обобщенной форме [Будагов 1971: 5].

К основным стилиобразующим и дифференцирующим признакам научного функционального стиля, по мнению ряда лингвистов (Кожина М. Н., Будагов Р. А., Котюрова Н. М.) относятся отвлеченность и обобщенность, подчеркнутая логичность, точность и объективность, высокая информативность, абстрактность, последовательность и краткость.

Данные признаки предопределяют отбор специальных, характерных и необходимых для их реализации лексических и грамматических языковых средств, набору и грамотному употреблению которых и необходимо обучать будущих специалистов.

К лексическим средствам, необходимым для освоения научного стиля, будут относиться не только узкоспециальные термины, присущие исключительно определенной отрасли науки, но и общенаучные слова, характерные для описания научных исследований в любой отрасли знаний, и отражающие систему взглядов, понятий и методов, характеризующих общее состояние науки на определенном этапе ее развития, а также слова общего языка, которые представляют собой основу любого научного текста. В зависимости от предмета той или иной отрасли науки количество общеупотребительных слов варьируется и может достигать 50% [Сенкевич 1984: 94]. Частотность употребления общих слов зависит также и от функционально-смыслового типа речи (описание, повествование, рассуждение), а также от жанра (аннотация, монография, статья, патентное описание или инструкция), и от композиционной части научной работы (введение, основная часть, заключение).

Основным лексическим средством для реализации такого признака, как точность, являются термины, поскольку в них заложена логическая информация большого объема. В научном и техническом термине мы имеем наиболее точное, концентрированное и экономное определение научного и технического понятия